

ШТРИХИ К ГЕНЕЗИСУ И СТРУКТУРЕ ПОЛЯ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В.В. Мельникова

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

Данная статья посвящена обзору содержания и генезису структуры знания, определяющего современную архитектурно-градостроительную повестку. Нынешнее определение которой, продолжает формироваться в рамках модернистской парадигмы с ее индустриальной моделью, включающей следующие характеристики: функциональная сегрегация, централизованное планирование, видение города как иерархического конструктора, здания как объекты, архитекторы как художники, концентрация на точках роста и технологических инновациях и др.

Ситуация поддерживается тем, что ключевые символические позиции остаются в руках возвращенного модернистами архитектурного сообщества, которое обеспечило их взглядам доминирование в рамках всей системы профессиональной подготовки. При этом ввиду слабости критической оппозиции любые взгляды, отрицающие модернистскую модель, эффективно выносятся за рамки профессиональной дискуссии как «реакционные» или «неэффективные».

В этой связи, сделан вывод о том что, наиболее вероятным сценарием снятия доминирующей парадигмы является ее независимый распад под грузом внутренних неудач, которые пока успешно преодолеваются в символическом пространстве через постоянное переизобретение модернизма.

Ключевые слова: структура архитектурного знания, модернизм, генезис модернистской парадигмы

TOUCHES TO THE GENESIS AND THE STRUCTURE OF THE MODERN ARCHITECTURAL FIELD

V. Melnikova

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

The article provides an overview of the content and the genesis of knowledge structure that defines the modern architectural and urban-planning agenda. The current definition of the agenda continues to shape within the modernist's paradigm with its industrial model having the following characteristics: functional segregation, centralized planning, the vision of the city as a hierarchical constructor, buildings as objects, architects as artists, focusing on points of growth and technological innovation, etc.

The situation is supported by the fact that the key symbolic positions still remain in the hands nurtured modernist architectural community, which has ensured their dominance in views across the professional training system. Herewith, due to the weakness of a critical opposition any views, that deny the modernist paradigm, effectively taken beyond the professional debate as "reactionary" or "ineffective".

In this regard, the conclusion is that the most likely scenario for the dominant paradigm removal is its independent collapse under the weight of internal failures that have successfully overcome in the symbolic space, through a constant reinvention of the modernism.

Keywords: modernism, structure of architectural knowledge, genesis of the modernist's paradigm

На протяжении большей части своей истории градостроительство было процессом с низкой степенью самосознания, происходившим вне централизованного планирования и систематической научной актуализации тематики [1]. Тем не менее, процессуальный подход традиционных и классических моделей порождал на удивление эффективную и хорошо структурированную самоорганизующуюся городскую ткань [2].

К началу 19-го века, с падением «старого режима», входит в свои права иная логика деятельности – концентрация на конечных результатах, а не процессах [3]. В частности, это было обусловлено ускоренной урбанизацией и индустриализацией, вызвавших катастрофическое ухудшение санитарно-гигиенической ситуации. Качество среды и условий жизни в таких городах, как Лондон, Манчестер и Париж падало в течение большей части 19-го века.

Ближе к концу века такое положение нашло отражение в новых концепциях, сформированных под влиянием прошлого травматического опыта. Как известно, Эбенизер Говард оказал существенное влияние на современные модели развития, предложив модель «города-сада», которая стала хрестоматийным образцом для большинства схем субурбанизации.

Другой влиятельной концепцией того времени было движение «Прекрасный город», которое положило начало функциональному зонированию. Его изначальной целью было создание привлекательных общегражданских зон в центрах городов на месте беспорядочных напластований, вызванных слишком быстрым малопродуманным ростом. Однако непреднамеренным побочным эффектом данного движения стало убеждение в необходимости монофункционального характера районов – их разделения на правительственные, жилые, коммерческие, промышленные [4].

Все эти темы стали выступать легитимными объектами университетских исследований – сначала в рамках истории градостроительства, а затем и социальных и административных наук. Примерно в то же время, на рубеже веков, архитектура и градостроительство впервые заняли место среди университетских дисциплин (до этого подготовка архитекторов осуществлялась по системе мастер-подмастерье либо в рамках специализированных художественных школ).

Следующее серьезное событие – выход на сцену ранних модернистов – Вальтера Гропиуса, Ле Корбюзье, Людвиг Миса ван дер Роэ, которые группировались вокруг таких учреждений, как Баухаус. Это были проницательные специалисты, которые с самого начала находились в центре новой промышленной системы, поэтому хорошо понимали принципы ее работы и с легкостью заняли доминирующие места в ее рамках. Напомним, что все три вышеупомянутых архитектора работали на Петера Беренса в Берлине в 1908 году, когда тот стал первым корпоративным бренд-дизайнером в истории – получил контракт на согласованный дизайн всех ипостасей деятельности промышленного гиганта AEG – от логотипов и рекламы до станков и промышленных построек [5].

Все 20-е годы модернисты активно занимались маркетинговым и идеологическим облачением своего нового опыта, посредством активного продвижения через

саморекламу и публикации скорее пропагандистского, чем научного характера. В 30-е годы исторический момент способствовал им в получении контроля над ключевыми символическими позициями, которые обеспечили их взглядам доминирование в рамках всей системы профессиональной подготовки. Так, в 1938 году Гропиус, возглавив архитектурную программу Гарварда, очищает учебный план от старого содержания в канве *Beaux-Arts* и заменяет его на баухаузовскую «тотальную архитектуру». Мис ван дер Роэ получает контроль над программой Иллинойского технологического института [6]. Ле Корбюзье занимает позицию ключевого международного теоретика и критика архитектуры.

Зная, что после Второй мировой войны США станет основным центром производства символической власти практически во всех сферах знания, можно сказать, что модернисты просто оказались в нужное время в нужном месте. Однако нельзя отрицать, что привлекательность их видения архитектуры и градостроительства (малоотличимое от дизайнерского «*package design*»), обязана не только этой выгодной символической позиции, но и соответствию такого видения интересам фордистской индустриальной формации [7].

Перенесемся в настоящее время. Что же представляет собой доминирующая модель архитектуры и градостроительства сегодня? В значительной степени она унаследована от 20-го века – функциональная сегрегация, механическая сборка частей города, здания-объекты в рамках «пластических решений творцов-архитекторов», мастер-планы и другие централизованные «инструменты управления пространственным развитием».

С политэкономической точки зрения, теория, которая фундирует доминирующий подход к градостроительству – это модель индустриальной экспансии, которая концентрируется на точках роста, технологических инновациях и архитекторах-художниках, призванных «упаковать» все это в маркетинговой логике [8]. В такой парадигме нет места естественной динамике городов и сообществ, также как и нет места устойчивым и гармоничным низовым моделям развития.

Настоящий фокус в архитектуре такой парадигмы – на усилиях по привлечению внимания – сделать что-то достаточно новое, драматическое, эстетически нагруженное, способное очаровать, удивить, что-то достойное обсуждения в стенах лучших университетов и на страницах важнейших изданий.

От случая к случаю в игру входят также дополнительные «преимущества» – узко понятые эстетические, технические и экологические характеристики: использование новейших материалов и технических инноваций, соответствие современности и «духу эпохи», примечательность в глазах туристов (обычно со ссылкой на «эффект Бильбао»), низкие выбросы и энергетический след.

Есть еще один интересный аспект доминирующей модели. Архитекторы обычно перекладывают вину за низкое качество среды современных городов на плечи чиновников, заказчиков, а также на политические, экономические, юридические условия. Мол, только они пытаются поднять архитектуру на какой-то более высокий уровень – художественный, прогрессивный, свежий. Похоже, не стоит слепо верить их увещаниям. Архитектурная амнезия и падение качества современной антропогенной среды не имеет других корней, кроме подхода заложенного модернистами и доминирующего по сей день в первую очередь среди представителей профессии – видения архитектуры как абстрактного авангардного искусства, как упаковки, отвергающей любые традиционные и классические решения, сколь хорошо бы они себя ни зарекомендовали в прошлом. Или же, в постмодерном изводе, играющего с их отдельными элементами без воспроизведения цельной тектоники и принципов функционирования. Именно модернисты переместили архитектуру в пространство визуальных искусств и инновационных творческих концепций, недостаточно фундированных антропологически.

Каким образом такое видение поддерживается? Как ключевые учреждения репродуцируют экспансивную индустриальную модель, поддерживаемую видением архитектуры как искусства? Следует констатировать что, ключевые узлы влияния десятилетиями остаются в руках возвращенного модернистами архитектурного сообщества (крупные университеты, художественные учреждения, ведущие газеты и журналы и т.д.). Эти позиции, принадлежащие разным профессиональным полям (науки, журналистики и пр.), взаимно легитимируют друг друга и позволяют создавать иллюзию истинности в глазах политиков, девелоперов и корпоративных лидеров [9].

На данный момент, похоже, всего несколько учреждений определяют основные модели развития архитектуры и градостроительства на глобальном уровне – Гарвард, MIT, UCL. Все остальные (университеты, государственные агентства, научные центры, фабрики мысли и пр.), как правило, следуют повестке, определяемой в этих лидирующих институтах.

Критическая оппозиция представлена такими организациями, как CNU, INTBAU и Prince's Foundation. Им далеко до уровня влияния основных игроков, но, несмотря на это их альтернативные видения находятся под постоянным огнем критики как за реальные, так и за воображаемые недостатки со стороны ортодоксии, которая не проявляет готовности к сколь-либо равной и честной дискуссии.

Существует еще один очень важный игрок, способный реформировать доминирующий подход к архитектуре – это различные организации, которые имеют дело с решением насущных проблем, таких как быстрая урбанизация в развивающихся странах, ущерб окружающей среде, устойчивость городов к стихийным бедствиям, изменение климата и т.д. Например, ООН-Хабитат активно работает над научно обоснованной, ответственной и устойчивой «Новой городской повесткой», которая должна быть принята на Всемирной конференции Хабитат III в качестве альтернативы доминирующему волонтаризму художественно-маркетингового подхода [10]. Несмотря на то, что даже такие организации как ООН тоже, как правило, следуют доминирующей теоретической канве, их независимости достаточно, чтобы время от времени признавать ее неадекватность для решения некоторых реальных проблем.

В любом случае необходимо констатировать, что критическая оппозиция относительно слаба. Любые взгляды, отрицающие модернистскую парадигму, как правило, эффективно выносятся за рамки профессиональной дискуссии как «реакционные» или «неэффективные». Это подкрепляется естественной логикой поиска новизны со стороны ключевых заказчиков (корпоративных и государственных деятелей, но не конечных пользователей). Способные на инновации ради инноваций (модернисты *ad hoc*), особенно в области строительных технологий, имеют непреодолимое преимущество в рамках существующей централизованной модели городского развития [11].

И, несмотря на то, что доминирующие учреждения (или их части), исповедующие модернистские подходы, подвергаются все большей изоляции со стороны смежных дисциплин (теории развития, социальной теории, эволюционной биологии, культурной антропологии и т.д.), преодолевших схожую устаревшую парадигму-реликт индустриальной эпохи, они все еще имеют большой ресурс для защиты автономии своего дисциплинарного поля и рынка символической продукции.

Исходя из стабильности, создаваемой вышеизложенной стратегической ситуацией, сложно прогнозировать сценарии преодоления доминирующей парадигмы. Более вероятным выглядит ее независимый распад под грузом внутренних неудач, а не постепенное снятие в результате открытой научной и общественной дискуссии. На данный момент, все напряжение, возникающее из недостаточной гуманистической и научной фундированности модернизма, успешно канализируется через его переизобретение и реинтерпретацию. Одним из последних таких ходов можно назвать деконструктивизм – переупаковку архитектуры вокруг постструктуралистской теории под

предводительством Рема Колхаса, использовавшего иронию как художественный карт-бланш: «Так как мы не несем ответственности, мы должны стать безответственными» [12]. Новое вино в ветхих мехах.

Литература (References)

1. Alexander, C. Notes on the Synthesis of Form. – Cambridge: Harvard University Press, 1964. – 216 s.
2. Kostof, S. The city shaped: Urban patterns and meanings through history. – London: Thames and Hudson, 1991. – 352 s.
3. Bagheri, A, Hjorth, P. Planning for sustainable development: a paradigm shift towards a process-based approach // Sustainable Development. – 2007. – №15 (2). – S. 83-96.
4. Gelernter, M. Sources of architectural form: a critical history of Western design theory. – Manchester: Manchester University Press, 1995. – 320 s.
5. Naylor, G. The Bauhaus reassessed: sources and design theory. – London: Herbert Press, 1985. – 200 s.
6. Fleming, D., Bailyn, B. The intellectual migration: Europe and America, 1930-1960. – Cambridge: Charles Warren Center for Studies in American History, Harvard University, 1968. – 675 s.
7. Gartman, D. From autos to architecture: Fordism and architectural aesthetics in the twentieth century. – New York: Princeton Architectural Press, 2009. – 400 s.
8. Klingmann, A. Brandsapes: Architecture in the experience economy. – Cambridge: MIT Press, 2007. – 364 s.
9. McNeill, D. The global architect: firms, fame and urban form. – New York: Routledge, 2009. – 192 s.
10. The New Urban Agenda will be decided in Quito. Официальный сайт ООН-Хабитат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unhabitat.org/the-new-urban-agenda-will-be-decided-in-quito/>
11. Salingaros, N. A., Mehaffy, M. W. A theory of architecture. – Solingen: UMBAU-VERLAG Harald Püschel, 2006. – 279 s.
12. Koolhaas, R. Whatever happened to urbanism? // Design Quarterly. – 1995. – №164. – S. 28-31.

ДАнные об авторе

Мельникова Варвара Владимировна

Аспирант кафедры «История Архитектуры и Градостроительства», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: varvamelnikova.str@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR**Melnikova Varvara**

Postgraduate Student, Chair «History of Architecture and Urban Planning», Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: varvaramelnikova.str@gmail.com